

Религиозные корни селекционизма и номогенеза

А.В. Гоманьков

*Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН,
197376 Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 2
Gomankov@mail.ru*

Истинность теорий биологической эволюции, объединяемых под названиями селекционизма и номогенеза, не может быть проверена методами, предусматриваемыми неопозитивистской эпистемологией. Эти теории, следовательно, должны рассматриваться как «идеологии» и допускают оценку идеологического, в том числе религиозного, характера. Обращение к истории естествознания показывает, что в основе его лежал номинализм, возникновение которого связано с переходом от метафизики бытия к метафизике воли и соответственно с возвращением христианского «естественного богословия» от языческой по своей сути платоновско-аристотелевской традиции к подлинно христианской, где случайность осознается как иное наименование ничем не ограниченной Божественной Воли. Таким образом, дарвинизм и другие теории селекционистского толка, полагающие в основание эволюционного процесса случайную изменчивость организмов, являются собой подлинно христианский взгляд на биологическую эволюцию, тогда как номогенез с его признанием абсолютной закономерности этого процесса в своих мировоззренческих основах восходит к пантеизму и далее к язычеству.

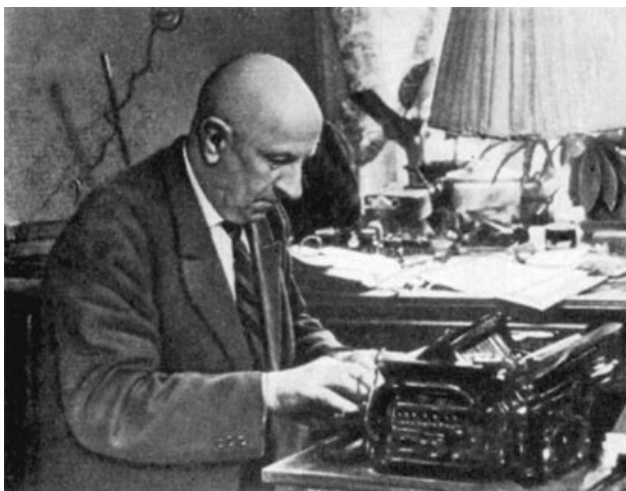
Настоящая статья в полном объеме автор рассматривает как экспликацию следующих слов С.В. Мейена¹, которые могли бы служить эпиграфом к ней: «Он (некий гипотетический методолог – А.Г.) заметит, что признание абсолютной закономерности мира изгоняет из мира подлинную эволюцию с принципиально новыми вновь и вновь возникающими явлениями <...>. Методолог укажет на то, что принятие подлинной эволюции означает признание подлинного – онтологического нарушения закономерностей. Но если эволюция в самой своей основе противоречит закономерности, то она становится просто синонимом чуда. Парадокс в том, что материалисты увидели врага в номогенезе, рассмотрели за ним “протаскивание чуда”, хотя если признать фундаментальную случайность эволюции, как это

делает селекционизм, то эволюция становится чудом в самом строгом смысле этого слова. В этом отношении именно селекционизм, а не номогенез становится союзником религии» [Той повеле..., 1999, с. 169, 170].

Селекционизм vs. номогенез: наука или идеология?

Концепция номогенеза [Берг, 1977] возникла в 1920-х годах. Ее автором, так же как автором самого слова «номогенез», все историки биологии единодушно признают Л.С. Берга. Он представлял номогенез как теорию биологической эволюции, при этом логика ее изложения носила у Л.С. Берга откровенно полемический характер: с самого начала своего главного труда «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей» и до его окончания автор противопоставляет свою концепцию эволюционной теории Ч.Дарвина. Так, книга Л.С. Берга начинается словами: «Предлагаемый очерк имеет целью показать, что эволюция организмов есть результат некоторых закономерных процессов, протекающих в них. Она есть – *номогенез*, развитие по твердым законам, в отличие от эволюции путем случайностей, предполагаемой Дарвином» [там же, с. 95]. На последней странице книги Л.С. Берг суммирует основные ее положения в виде 10 противопостав-

¹ Эти слова представляют собой фрагмент из написанной в 1981 году рецензии С.В. Мейена на книгу Т. Хайнца «Творение или эволюция» [1978] – одну из самых первых книг по креационизму на русском языке, нелегально завезенную в СССР в качестве тамиздата. Чтение подобной книги и тем более написание рецензии на нее в те времена могло повлечь за собой уголовную ответственность. Поэтому о публикации данной рецензии тогда не могло быть и речи. Рецензия подписана псевдонимом «С.Катюнин», а распространялась она самиздатом. Массовым тиражом опубликована она лишь после падения коммунистического режима, уже после смерти автора.

Александр Александрович Любичев (1890–1972)

Лев Семенович Берг (1876–1950)

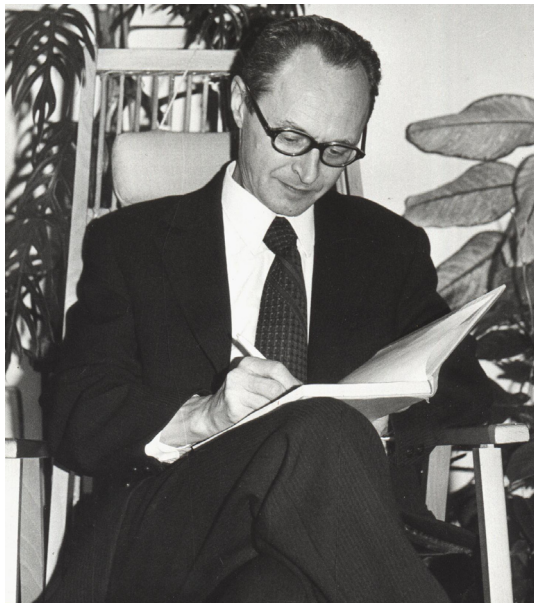
лений дарвинизма и номогенеза. Но главное из них, которое нашло отражение и в названии книги, и в первых ее фразах, процитированных выше, заключается в том, что эволюция по Дарвину есть *случайный* процесс (*тихогенез* – так называл его Л.С. Берг; от греч. *τύχη* – случай), происходящий на основе случайных, ненаправленных изменений в организмах, тогда как, согласно концепции самого Л.С. Берга, эволюция есть *номогенез* (от греч. *νόμος* – закон), то есть развитие на основе жестких и непреложных законов. Эволюция всего органического мира, согласно теории Л.С. Берга, имеет существенно *преформированный* характер и может быть уподоблена индивидуальному развитию одного организма. Как в ДНК зиготы заложена полная программа онтогенеза, которая в дальнейшем лишь реализуется или *воплощается* в теле организма, так и в начальных простейших формах жизни уже была заложена вся программа дальнейшего развития всего органического мира. Наблюдаемая эволюция по отношению к этой программе (действительности информационного типа) является ее реализацией, а сама программа по отношению к эволюции выступает как совокупность законов, ее обуславливающих и направляющих.

Как отмечают И.А. Игнатъев и Ю.В. Мосейчик [2007, с. 109], «ростки номогенеза Берга вззошли на неблагоприятной культурной почве. Отвергаемый им дарвинизм был [в России 1920-х – А.Г.] важной частью идеологии не только победившего революционного марксизма, но и широких кругов отечественной интеллигенции». Из теоретиков биологии один только А.А.

Любичев [1973, 1982]² решился поддержать и развить номогенетические идеи Л.С. Берга. А.А. Любичев, однако, не понимал (или умышленно игнорировал?), что теория Ч.Дарвина послужила стимулом для переосмысления многих фундаментальных понятий биологии, в том числе, самого понятия эволюции³. Латинское слово *evolutio* означало развертывание, разворачивание,

² Обе цитируемые работы А.А. Любичева были созданы в 1920-х, вскоре после выхода книги Л.С. Берга. Здесь они цитируются по позднейшим публикациям, осуществленным в значительной степени, благодаря усилиям С.В. Мейена.

³ Помимо понятия «эволюция» среди понятий, приобретших новый смысл в связи с появлением и распространением теории Ч.Дарвина, можно назвать такие как «естественная система», «вид», «целесообразность». Далеко не всегда создание этого нового смысла можно приписать самому Ч.Дарвину, язык которого вполне традиционен. В понятие вида [Майр, 1974] и естественной системы [Гоманьков, 2005] новый смысл вложен уже последователями Ч.Дарвина (в случае понятия вида – создателями синтетической теории эволюции, то есть сравнительно поздними последователями), а в понятие «целесообразность» – даже его оппонентами. Так, Л.С. Берг определяет целесообразность следующим образом: «Целесообразным мы называем у организмов все то, что ведет к продолжению жизни особи или вида <...>» [Берг, 1977, с. 98]. Это в дальнейшем позволило А.А. Любичеву [1973, с. 43] квалифицировать саму теорию Ч.Дарвина как «крайний телеогенез» (от греч. *τέλος* – конечная цель, исход, результат), тогда как более ранние оппоненты Ч.Дарвина – К.Э. фон Бэр, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов – упрекали его именно за то, что он полностью исключил из сферы объяснений органического мира такой непосредственно наблюдаемый и очевидный для всякого наблюдателя феномен, как целесообразность, и заменил его случайностью [Гоманьков, 2010].

Сергей Викторович Мейен (1935–1987)

раскрытие и, в частности (например, у Цицерона), развертывание свитка или раскрытие книги, то есть чтение⁴ (актуализацию прежде скрытой информации). В научный биологический обиход это слово (англ. *evolution*) было введено в конце XVII века М.Хейлом в натурфилософском трактате «Первоначальное происхождение человеческого рода, рассмотренное и испытанное согласно свету природы» [Чайковский, 2003], где оно употребляется всего лишь раз для обозначения онтогенеза человека. Тем самым оно поставлено в контекст коллизии «преформизм vs. эпигенез», интенсивно обсуждавшейся в эмбриологии XVII–XVIII веков, и, очевидно, стало синонимом преформистски (т.е. в соответствии со смыслом латинского слова «*evolutio*») понимаемого онтогенеза, ибо о филогенезе в те времена никто не думал – такого понятия просто не существовало. Однако Ч.Дарвин употреблял это слово (причем как-то «мимоходом», как слово, смысл которого всем очевиден и понятен) уже исключительно по отношению к изменению видов. В заключительной главе «Происхождения

видов» он писал: «В качестве напоминания о прежнем положении вещей я сохранил в предшествующих параграфах и в других местах несколько строк, указывающих на то, что натуралисты верят в отдельное сотворение каждого вида, и меня сильно осуждали за то, что я выражался таким образом. Но не подлежит сомнению, что таково было общее убеждение, когда появилось первое издание этой книги (т.е. в 1859 году; цит. по переводу 6-го изд. 1872 года – А.Г.). В былое время мне приходилось беседовать об эволюции с очень многими натуралистами, и я ни разу не встречал сочувственного отношения к этому воззрению. Очень возможно, что и тогда уже некоторые из них были убеждены в существовании эволюции, но они или отмалчивались, или выражались так двусмысленно, что трудно было угадать смысл их слов. Теперь положение совершенно иное, и почти каждый натуралист допускает великий принцип эволюции» [Дарвин, 1991, с. 415].

Из этих слов можно заключить, что:

1) слово «эволюция» во времена Дарвина уже широко использовалось для обозначения именно фило-, а не онтогенеза, и обсуждался (в том числе с помощью этого слова) лишь факт реального существования данного процесса в природе, а отнюдь не смысл слова;

2) за 13 лет, прошедших между выходами 1-го и 6-го изданий «Происхождения видов», популярность идей, изложенных в книге, значительно выросла, благодаря чему многие натуралисты стали понимать слово «эволюция» в смысле, наиболее соответствующем данным идеям: как процесс филогенеза, имеющий заведомо эпигенетический, а не преформированный характер.

И, несмотря на это, спустя полвека А.А. Любищев [1982] отказывал эпигенезу в праве называться эволюцией, отождествляя эволюцию исключительно с преформизмом и надеясь с помощью такой терминологической подтасовки защитить номогенез в его споре с дарвинизмом.

В 1970–1980-х С.В. Мейен выдвинул программу синтеза номогенеза с селекционизмом дарвиновского толка, однако реализовать ее не смог [Гоманьков, 1990; Игнатъев, Мосейчик, 2007]. В новейшее время теория, близкая к номогенезу (однако без каких-либо ссылок на Л.С. Берга или А.А. Любищева), была выдвинута шведским цитологом испанского происхождения А. Лима-де-Фариа [1991].

Терминологическая неаккуратность (если не сознательная софистика) А.А. Любищева привела к тому, что спор «селекционистов» и «номогенетиков» в значительной степени выролдился в логомахию. Перефразируя диакона Андрея Ку-

⁴ Разумеется, чтение *вслух*. Люди античности не умели читать «глазами», не произнося вслух написанного текста, так же, как большинство современных людей не может представить себе содержания музыкального произведения на основании только его нотной записи [Аверинцев, 1977]. Аврелий Августин [1914], живший уже на рубеже IV и V веков, считал достойным специального упоминания и объяснения тот факт, что его учитель Амвросий Медиоланский читал книги не вслух, а про себя.

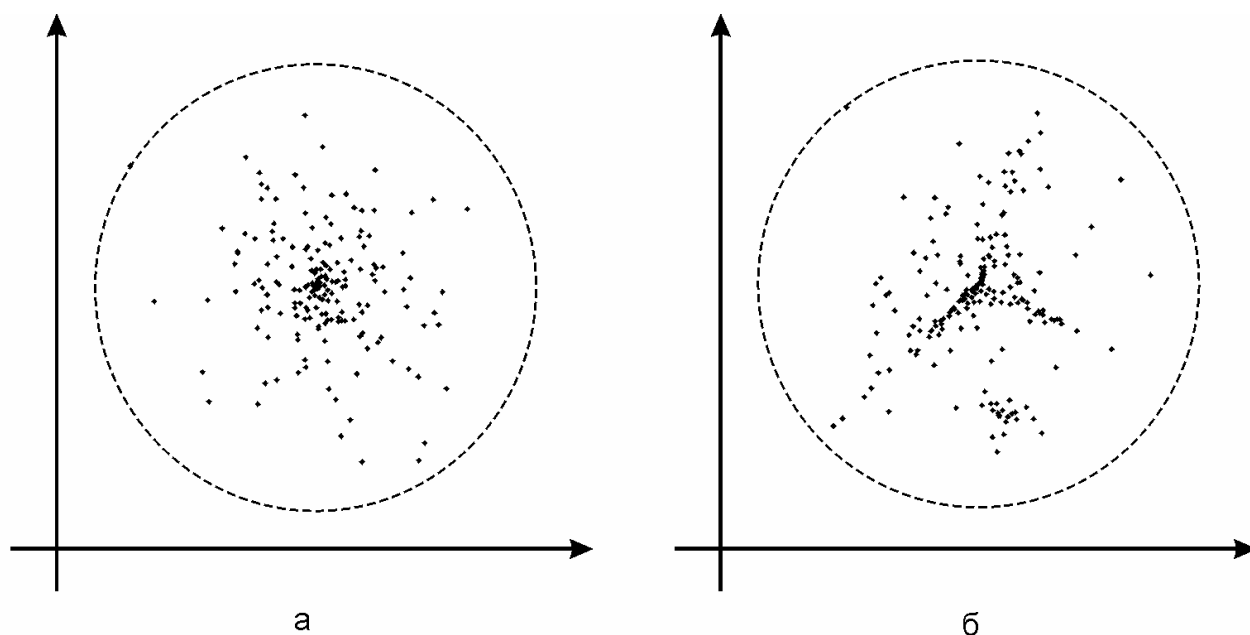

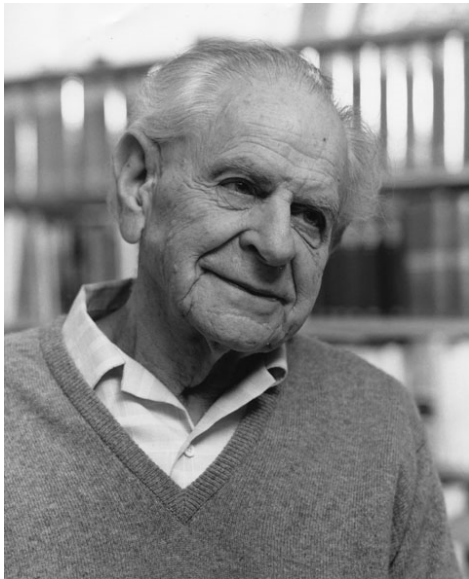
Рис. 1. Распределение 200 потомков 1 особи в двумерном признаковом пространстве: а – «изотропное» распределение (равномерное по всем направлениям), предсказываемое селекционизмом при отсутствии естественного отбора; б – реально наблюдаемое распределение, которое селекционизм объясняет действием естественного отбора, а номогенез – изначальной «анизотропией» изменчивости

раева [Той повеле..., 1999], можно утверждать, что селекционизм и номогенез поставляют нам не просто разные ответы, а, как правило, отвечают на *разные* вопросы.

Если, однако, попытаться все же увидеть, в чем заключаются содержательные различия данных концепций, то главное из этих различий можно, вероятно, описать с помощью следующей математической модели. Если взять любой живой организм и охарактеризовать его несколькими признаками (например, если речь идет о млекопитающем: длиной тела, его массой, числом пальцев на конечностях, числом зубов, наличием или отсутствием хвоста, окраской волосяного покрова и т. д.), то можно представить его себе как точку в многомерном признаковом пространстве, где каждое измерение соответствует какому-либо одному признаку. А поскольку дети всегда похожи на родителей, точки, соответствующие непосредственным потомкам каждого организма, будут образовывать в том же пространстве некое «облако» вокруг точки, соответствующей материнскому организму. Селекционизм вслед за Ч.Дарвином считает, что эволюция (т.е. постепенное смещение таких «облаков» точек в признаковом пространстве, наблюдаемое в чередующихся поколениях) происходит на основе *случайной* (или «неопределенной», как ее называл Ч.Дарвин) изменчивости под действием естественного отбора. Другими словами, потомки каж-

дой особи распределены в признаковом пространстве случайным образом, то есть равномерно по всем направлениям. Признаковое пространство оказывается изотропным в отношении распределения в нем потомков одного организма: если мысленно исключить все внешние влияния («давление» окружающей среды), то «облако потомков» будет представлять собой довольно правильный и равномерно по всем направлениям заполненный многомерный шар; в каком бы направлении от его центра (материнского организма) мы ни двигались, число встречающихся точек будет везде примерно одинаковым. А то, что такого шара никогда не наблюдается в природе, селекционизм объясняет действием естественного отбора, который уничтожает некоторых из потомков рассматриваемого предка, то есть «вырезает» из шара определенные куски так, что мы их не видим (рис. 1). Напротив, номогенез утверждает: наблюдаемая неоднородность или структурированность «облака потомков» первична; она обусловлена структурированностью самой наследственности (т.е. изначальной анизотропией признакового пространства), а не последующим вымиранием рожденных организмов.

Легко видеть, что разногласие в данном случае касается принципиально не наблюдаемых феноменов (первичной, не подверженной воздействию среды изменчивости), и потому выбор

Карл Раймунд Поппер (1902–1994)

между селекционизмом и номогенезом не может быть подтвержден эмпирически. Каждая из обсуждаемых концепций, рассматриваемая как альтернатива другой, не может быть в таком качестве ни доказана, ни опровергнута и, согласно критериям неопозитивистской эпистемологии, должна считаться не научной теорией, а идеологией.

В рамках философии неопозитивизма первой половины XX века были предприняты поистине титанические попытки отделить «науку» от «метафизики», эксплицировать выражения типа «наука доказала, что...» или, другими словами, ответить на вопрос «что научно?», четко определить, что является, а что не является содержанием науки. К.Поппер [1983] назвал эту проблему *проблемой демаркации* и рассматривал ее как основную для всей эпистемологии. Сам он, однако, весьма высоко оценивал теорию Ч.Дарвина и, хотя поначалу отказывал ей в праве называться научной теорией и рассматривал лишь как «метафизическую исследовательскую программу» [Поппер, 1995], позднее радикально изменил свою точку зрения: «<...> Я теперь придерживаюсь иного мнения о проверяемости и логическом статусе теории естественного отбора, и я рад возможности заявить о своем отречении от прежних взглядов. <...> Теория естественного отбора может быть сформулирована таким образом, что она оказывается далеко не тавтологичной. В этом случае она не только поддается проверке, но и не является универсально истинной» [Поппер, 2000, с. 80, 81]. Впрочем, о теории номогенеза К.Поппер ничего не знал, рассматривая

дарвинизм лишь как альтернативу «естественной теологии» Уильяма Пэйли⁵.

Уже в работах непосредственных учеников К.Поппера – Т.Куна [2003] и П.Фейерабенда [1986] можно увидеть обоснование той мысли, что задача эпистемологии не нормативная, а описательная. Эпистемология призвана не управлять наукой с высот «эпистемологического Олимпа», указывая, какой она «должна быть», а изучать ее такой, какой она *реально существует*. В свете этих идей как селекционизм, так и номогенез оказываются активно и плодотворно функционирующими частями той системы, которую обычно называют наукой (биологией). Будучи, однако, «идеологиями» в смысле неопозитивистской эпистемологии, они, естественно, допускают оценку не эпистемологического, а именно идеологического, то есть *религиозного*, характера. И если уж (вопреки надеждам К.Поппера) не существует демаркации, которая позволила бы одну из этих концепций, в отличие от другой, отнести к науке, то правомерной по крайней мере представляется постановка вопроса: какая из них может быть отнесена к сфере *христианской* науки, то есть какая из них лучше согласована с христианской метафизикой?

Номинализм и возникновение естествознания

Само понятие христианской науки является ныне весьма непопулярным, по крайней мере в нашей стране. В умах, уставших за 70 лет от без-

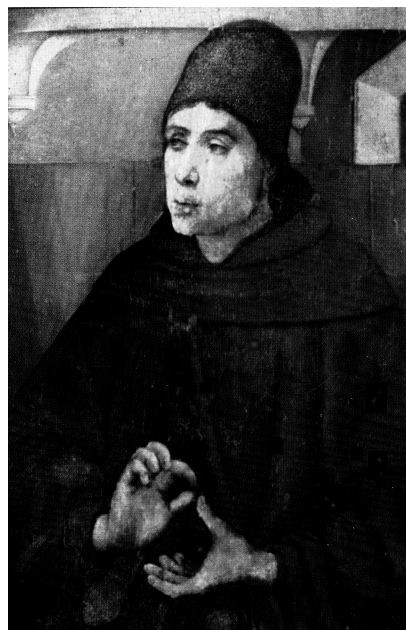
⁵ Учебник для богословских факультетов университетов У.Пэйли «Естественная теология» (W.Paley. Natural Theology, 1802), по признанию самого Ч.Дарвина, оказал на него в молодости огромное влияние [Поппер, 2000; Чайковский, 2010]. Развиваемая в нем теория имеет в действительности мало общего с христианской теологией вообще и с естественной теологией в частности. Она сводится к констатации «идеальной приспособленности» живых организмов к условиям среды их обитания и использованию этого «факта» для «телеологического доказательства» бытия Божия. По-видимому, именно благодаря книге У.Пэйли Ч.Дарвин усвоил интерес к теме адаптации и придал «выживанию наиболее приспособленных» статус одного из основных принципов своей теории. Хотя тавтологичность этого принципа показана еще в середине XX века, она до сих пор плохо осознается многими эволюционистами, как сторонниками, так и противниками дарвинизма. К.Поппер пытался доказать, что принцип выживания наиболее приспособленного не есть тавтология, и тем самым «спасти» дарвинизм от обвинений в ненаучности, не понимая, по-видимому, того, что дарвинизм *не исчерпывается* данным принципом, а представляет собой гораздо более богатую систему взглядов.

раздельного господства «единственно верной» идеологии, воцарился лозунг деидеологизации всей жизни и науки в том числе. При этом, однако, полностью игнорируется факт, установленный историками науки [Петров, 1978; Яки, 1992; Философско-религиозные истоки..., 1997]: тот культурный феномен, который мы теперь называем естествознанием, возник в XIV веке в Западной Европе на почве католического богословия, точнее – тогдашней фазы его развития, именуемой *схоластикой*. По существу, богословие и было первой наукой в современном смысле этого слова, а все остальные разделы естествознания (физика, химия, биология, геология и т.д.) отпочковались от богословия в ходе того процесса дифференциации, который характерен для развития науки вообще.

В Средние века все сведения, в дальнейшем составившие фундамент конкретных естественных наук, входили в состав богословской дисциплины, именовавшейся естественным богословием (*theologia naturalis*), и считались источником знаний о Боге и средством приближения к Нему. При этом, как показала П.П. Гайденок [1997; 2000], происхождение современного естествознания тесно связано с таким направлением средневековой схоластической мысли, как *номинализм*. А сам номинализм, зародившийся в конце XIII века и распространившийся в XIV, знаменовал собой крупнейший поворот в философии, который П.П. Гайденок назвала *переходом от метафизики бытия к метафизике воли*.

Метафизика бытия, центрированная на таких понятиях, как «сущность» и «субстанция», корнями восходит к Аристотелю, Платону и далее к языческим мифам. Органичной и, так сказать, наиболее «удобной» религией для нее является язычество, представляющее собой в широком понимании обожествление природы – всей в целом или отдельных ее проявлений. Наиболее последовательной и внутренне органичной философской линией для этого типа мироощущения представляется традиция Платон–Плотин–Спиноза, вполне естественно завершающаяся торжеством абсолютного и предельно разработанного *пантеизма*. Напротив, метафизика воли исходит из иной религиозной традиции – традиции библейской, где Бог – Творец и Правитель Вселенной, трактуется прежде всего как беспредельное всемогущество, абсолютно свободное и не ограниченное никаким природным бытием.

«Неудивительно, – пишет П.П. Гайденок, – что эти две традиции осознавались с самого начала как несовместимые». И приводит в высшей степени показательную цитату из К.Галена – врача и языческого философа II века: «Нашему

Иоанн Дунс Скот (1265/66–1308)

Богу недостаточно только захотеть, чтобы возникли или были созданы вещи той или иной природы. Ибо если бы Он захотел мгновенно превратить камень в человека, это было бы не в Его силах. Именно здесь наше собственное учение, так же как и учение Платона и остальных греков <...>, отличается от учения Моисея. Согласно Моисею, Богу достаточно пожелать, чтобы материя приобрела ту или иную форму, и она тем самым приобретет ее. Он считает, что для Бога все возможно, даже если Он захочет превратить прах в лошадь или быка. Мы же так не думаем, но утверждаем, что некоторые вещи невозможны по природе, и Бог даже не пытается создавать их. Он лишь выбирает наилучшее из возможного» [Гайденок, 2000, с. 44–45].

Однако то, что казалось очевидным во II веке, стало не столь очевидным в IV. Распространившись по всей средиземноморской ойкумене и став фактически государственной религией Римской империи, христианство столкнулось с необходимостью изложения истин своей веры на философском языке той культуры, которая господствовала во времени и пространстве, охваченном христианской проповедью. Этим, по-видимому, объясняется факт сильного влияния платоновско-аристотелевской философской традиции на творчество отцов Церкви, живших в эпоху христианской античности и раннего средневековья – Григория Нисского, Аврелия Августина, Псевдодониция, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина [Майоров, 1979].

Пьер Симон Лаплас (1749–1827)

И лишь на рубеже XIII и XIV веков Иоанн Дунс Скот, предтеча и родоначальник номинализма, начал очищение христианского богословия от совершенно чуждых ему и языческих по своей сути представлений платоновской философии⁶. Именно ему принадлежит первенство в деле осознания того, что случайность – это просто иное наименование Божественной Воли, ибо всемогущество по существу означает индетерминированность⁷.

Дальнейшая судьба естествознания Нового времени и его методологии хорошо известна. В рамках естественного богословия была осознана *самодостаточность* материального мира: его можно познавать и объяснять независимо от Творца, ибо в нем действуют его собственные, «естественные» причины, которые, в конечном счете, сводятся к «законам природы». Таким образом, мир познаваем как замкнутая система, потому что он закономерен.

В течение XVI–XVIII веков была в общих чертах построена научная картина мира, в которой «естественными» причинами можно было объяс-

нить *всё* – в мире не осталось места для Бога. Кульминацией этого мировоззрения можно считать известный диалог Пьера Симона Лапласа с Наполеоном Бонапартом [Ball, 1906]. Автор концепции «лапласовского» детерминизма (т.е. воззрения, согласно которому все явления в мире абсолютно жестко детерминированы) показал Наполеону свой фундаментальный труд «Изложение системы мира». Наполеон, ознакомившись с ним, сказал: «Вы написали такую огромную книгу о системе мира и ни разу не упомянули о его Творце!» «Сир, – гордо ответил Лаплас, – я не нуждался в этой гипотезе!»

Селекционизм и номогенез в «новом» естествознании

В условиях господства лапласовского детерминизма пантеизм оставался единственной возможностью религиозного осмысления мира. Обожесть саму природу, саму эту закономерность, неумолимо управляющую миром, – вот тот путь, на который неизбежно должен был встать думающий ученый, ощущающий рядом с собой присутствие Бога, но не могущий доказать его. По существу, путь идолопоклонства, обожествления твари вместо Творца, путь, на который не раз вставала религиозная мысль человечества в критические моменты своей истории.

Показательно, что в XIX веке богословская идея Дунса Скота о тождестве случайности и Божественной Воли отстаивалась в основном философами-атеистами – Л.А. Фейербахом [1955], М.А. Бакуниным [1989]. Их логика была примерно такой: Бог – синоним случайности; мир устроен закономерно; в нем нет ничего случайного; следовательно, Бога нет. Основная критика этого силлогизма со стороны христианских богословов XIX–XX веков была направлена против его первой посылки, тогда как на самом деле неверной является вторая. Весьма характерным примером такой критики могут служить слова А.В. Ельчанинова: «Нет ничего случайного на свете, тот, кто верит в случай, – не верит в Бога» [Священник Александр Ельчанинов, 2010, с. 107]. В обыденном сознании (как религиозном, так и атеистическом) укрепилось представление о том, что любой «акцидентализм» (т.е. признание важной роли случайности в устройстве мироздания) ассоциирует с безбожием, тогда как религиозное восприятие природы неизбежно предполагает «легалитаризм» (веру в «законы природы»). Так, например, протоиерей Леонид Цыпин связывает возможность христианского осмысления биологической эволюции исключительно с теорией номогенеза. Деятельность хри-

⁶ А.И. Абрамов [1979] трактует историю всего русского богословия как борьбу «линии Платона» и «линии Аристотеля». Сводить, однако, все (или хотя бы все русское) богословие к этим двум «линиям» кажется неверным. Помимо них существует по крайней мере еще одна, связанная с номинализмом. И как показала П.П. Гайдено, именно этой линии естествознание обязано своим зарождением в недрах богословия.

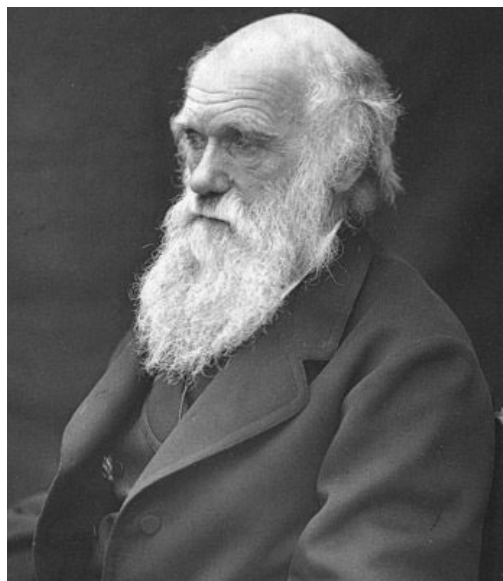
⁷ С произведениями Дунса Скота в русском переводе можно ознакомиться по изданиям [Блаженный Иоанн Дунс Скот, 2001а, б]

стианских эволюционистов он уподобляет проповеди апостола Павла в Афинском Ареопаге, в ходе которой апостол апеллировал к почитанию язычниками-афинянами жертвенника, посвященного «неведомому Богу». «Примерно такую позицию, — пишет протоиерей Леонид Цыпин [2008, с. 183], — и хотят занять те православные биологи — научные работники и преподаватели, которых, скорее всего, неудачно называют “православными эволюционистами”. И тот “жертвенник” в современной биологии, который они собираются “освящать”, в своей основе чем-то подобен номогенезу Л.С. Берга».

Однако, пользуясь выражением А.Швейцера [1992, с. 127], можно сказать, что исторически и фактически это представление о необходимой связи христианства с легалитаризмом неверно. Как было показано выше, у истоков рационального осмысления природы стоял именно *христианский* акцидентализм Дунса Скота, а легалитаризм может сочетаться лишь с такой специфической формой религиозности, как пантеизм (т.е. язычество).

Ч.Дарвин одним из первых обратил внимание на объективную роль случайности в природе: столь важный и заведомо объективно существующий процесс как биологическая эволюция порождается случайными изменениями в отдельных организмах. Поскольку теория Ч.Дарвина считалась *научной* теорией, это послужило первым толчком к крушению господства лапласовского детерминизма в науке и первым шагом, возвращающим ее к номиналистическим, то есть христианским истокам. Случайные явления, положенные Ч.Дарвином в основу объяснения феномена эволюции, представляют собой не что иное, как «точки приложения» Божественной Воли к миру, чудеса (в христианском понимании этого слова), наблюдаемые естествоиспытателями. И хотя сейчас теория Ч.Дарвина в ее первоизданном виде не принимается фактически никем, многие из бытующих ныне теорий эволюции селекционистского толка унаследовали от дарвинизма его «тихогенетичность» (если выражаться словами Л.С. Берга), то есть представление о процессе эволюционном как случайном.

К окончательному крушению лапласовский детерминизм был приведен квантовой механикой в XX веке, а идея о том, что случайность возвращает Бога в естествознание, хоть и с трудом, но все же постепенно завоевывает себе место в сознании ученых. Артуру Эддингтону, одному из создателей квантовой механики, принадлежат слова: «Религия стала возможной после 1927 года» [Гриб, 2008, с. 49] (имелся в виду V Сольве-

Чарльз Роберт Дарвин (1809–1882)

евский конгресс, на котором были сформулированы и приняты тогдашним сообществом физиков основные положения квантовой механики). А вот мнение современного генетика О.Н. Тиходеева: «Все научные закономерности имеют стохастический характер, то есть испытывают влияние “его величества Случая”. Что именно за этим стоит, никому не известно. Если сказать, что всеми случайностями управляет Бог, для современного ученого не будет ни малейших проблем: Бог тоже непознаваем, как и причина случайности. Эта концепция вполне приемлема для верующего человека. Ведь все, что происходит в мире с его закономерностями, так или иначе вершится “по воле Случая”, и в этом нет никакого принижения роли Бога. Для современного образованного человека нет необходимости совершать выбор: или я верю в Бога, или в науку. Оба взгляда могут уживаться совершенно спокойно» [Заглянуть в ДНК, 2011, с. 13].

Таким образом, можно считать, что эволюционные теории дарвинистического толка, рассматривающие *случайную* изменчивость как основу биологической эволюции, являют собой подлинно христианский взгляд на живую природу. Напротив, номогенез с его признанием абсолютной закономерности эволюционного процесса и категорическим изгнанием из него всякой случайности, очевидно, имеет своими корнями ту самую метафизику бытия, с отвержения которой начинался номинализм. И если говорить о его религиозных корнях, то, как уже отмечалось, наиболее органичными для него религиозными представлениями являются пантеизм и в конечном счете язычество.

Ю.В. Чайковский [2010, с. 13] приписывает Томасу Гексли изречение, впоследствии очень популярное креационистам (см., например, [Гиш, Азимов, 1991]): «Дарвин или пророк Моисей – третьего не дано». Цель собственной книги он видит в отвержении этого «третьего не дано», утверждая, что, помимо Ч.Дарвина и пророка Моисея, нам «дан» еще номогенез, ламаркизм и жоффруизм.

Цель настоящей статьи можно тоже свести к отвержению «альтернативы Гексли». Однако, в отличие от Ю.В. Чайковского, я считаю эту альтернативу ложной не потому, что нам дано еще что-то «третье», «четвертое» или «пятое», а потому, что нам не дано даже «второго»: Дарвин и пророк Моисей говорили одно и то же.

Литература

- Абрамов А.И. Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. – М.: Наука, 1979. – С. 212–237.
- Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: Наука, 1977. – 320 с.
- Аврелий Августин. Исповедь (пер. с лат.) // Творения блаженного Августина, Епископа Иппонийского. Ч. 1. 3-е изд. – Киев, 1914. – 442 с.
- Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. – М.: Правда, 1989. – С. 11–124.
- Берг Л.С. Труды по теории эволюции. 1922–1930. – Л.: Наука, 1977. – 387 с.
- Блаженный Иоанн Дунс Скот. Избранное (пер. с лат.). – М.: Францисканцы, 2001а. – 583 с. (Францисканское наследие. Т. III).
- Блаженный Иоанн Дунс Скот. Трактат о Первоначале (пер. с лат.). – М.: Францисканцы, 2001б. – 181 с.
- Гайденко П.П. Волонтиративная метафизика и новоевропейская культура // В.В. Иванов (ред.). Три подхода к изучению культуры. – М.: МГУ, 1997. – С. 5–74.
- Гайденко П.П. Средневековый номинализм и генезис новоевропейского сознания // Христианство и наука. Сб. докл. конф. (28 января 1999 г.). – М., 2000. – С. 36–51.
- Гиш Д., Азимов А. Спор о происхождении (пер. с англ.) // Наука и религия. – 1991. – №4. – С. 15–17.
- Гоманьков А.В. Синтез или противоречие? // Природа. – 1990. – №4. – С. 73–79.
- Гоманьков А.В. К критике понятия «Естественная система организмов» // XIX Любичевские чтения. Т. 2. Современные проблемы эволюции. – Ульяновск, 2005. – С. 74–86.
- Гоманьков А.В. Эволюционный прогресс: критика и апология дарвинизма // Чарльз Дарвин и современная наука. Тр. Междунар. научн. конф. 21–23 сентября 2009 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 789–795.
- Гриб А. Квантовый индетерминизм и свобода воли // А.Гриб (ред.). Научное и богословское осмысление предельных вопросов: космология, творение, эсхатология. – М.: ББИ, 2008. – С. 48–67.
- Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь (пер. с англ.). – СПб.: Наука, 1991. – 539 с.
- Заглянуть в ДНК <интервью с О.Н. Тиходеевым> // Вода живая. – 2011. – №4. – С. 12–14.
- Игнатъев И.А., Мосейчик Ю.В. Творческая случайность: эволюционная концепция С.В. Мейена // In metoigam. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. – М.: ГЕОС, 2007. – С. 103–155.
- Кун Т. Структура научных революций (пер. с англ.). – М.: АСТ–Ермак, 2003. – 311 с.
- Лима-де-Фариа А. Эволюция без отбора. Автоэволюция формы и функции (пер. с англ.). – М.: Мир, 1991. – 455 с.
- Любичев А.А. Понятие номогенеза // Природа. – 1973. – №10. – С. 42–44.
- Любичев А.А. Понятие эволюции и кризис эволюционизма // А.А. Любичев. Проблемы формы, систематики и эволюции организмов. – М.: Наука, 1982. – С. 133–149.
- Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. – М.: Мысль, 1979. – 431 с.
- Майр Э. Популяции, виды и эволюция (пер. с англ.). – М.: Мир, 1974. – 460 с.
- Петров М.К. Перед «Книгой природы». Духовные леса и предпосылки научной революции XVII в. // Природа. – 1978. – №8. – С. 110–119.
- Поппер К. Логика научного исследования (пер. с англ.) // К.Поппер. Логика и рост научного знания. Избр. работы. – М.: Прогресс, 1983. – С. 33–235.
- Поппер К. Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа (пер. с англ.) // Вопр. филос. – 1995. – №12. – С. 39–49.
- Поппер К.Р. Естественный отбор и возникновение разума (пер. с англ.) // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 75–91.
- Протоиерей Леонид Цытин. Вселенная, Космос, Жизнь – три дня Творения. – Киев: Пролог, 2008. – 640 с.
- Священник Александр Ельчанинов. Записи. 4-е изд. – М.: Русский путь, 2010. – 280 с.
- Той повеле, и создашася. Современные ученые о Сотворении мира / Протоиерей Глеб Каледа, диакон Андрей Кураев, диакон Димитрий Зворыкин и др. – Клин: фонд «Христианская жизнь», 1999. – 191 с.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки (пер. с англ. и нем.). – М.: Прогресс, 1986. – 543 с.
- Фейербах Л.А. Сущность христианства (перев. с нем.) // Л.А. Фейербах. Избранные философские произведения в 2 тт. Т. 2. – М.: Полит. лит-ра, 1955. – С. 7–305.
- Философско-религиозные истоки науки / П.П. Гайденко, Ю.А. Шичалин, В.П. Визгин и др. – М.: Мартис, 1997. – 319 с.
- Хайнц Т. Творение или эволюция: Анализ теории эволюции в свете Священного Писания (пер. с англ.). – Chicago: Slavic Gospel Press, 1978. – 160 с.
- Чайковский Ю.В. Эволюция. Книга для изучающих и преподающих биологию. – М.: Центр системных исследований, 2003. – 470 с. (Ценологические исследования. Вып. 22).

Чайковский Ю.В. Зигзаги эволюции. Развитие жизни и иммунитет. – М.: Наука и жизнь, 2010. – 110 с.

Швейцер А. Культура и этика. Философия культуры. Ч. II (пер. с нем.) // А.Швейцер. Благоговение перед жизнью. – М.: Прогресс, 1992. – С. 83–240.

Яки С. Спаситель науки (пер. с англ.). – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1992. – 315 с.

Ball W.W.R. Histoire des mathématiques. T. I. – Paris: Lib. Sci. A.Hermann, 1906. – 440 pp.

Religious roots of the selectionism and nomogenesis

A.V. Gomankov

*V.L. Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences,
Professora Popova str., 2, 197376 St.-Petersburg, Russia*

The truth of the theories of biological evolution integrated under the names of selectionism and nomogenesis cannot be ascertained by the methods provided by the neopositivistic epistemology. These theories have thus to be considered as «ideologies» and permit ideological assessment including religious one. Historical view on the natural sciences shows that they have been based on the nominalism, which has signified the transition from the metaphysics of being to the metaphysics of will and hence the return of Christian «natural theology» from the essentially pagan tradition of Aristotle and Plato to the really Christian one identifying the accident as the unlimited God's Will. Thus Darwinism and other theories of selectionistic trend basing the evolutionary process on the accidental variability of organisms show a really Christian view on the biological evolution, while nomogenesis voting the absolute regularity of this process goes back to the pantheism and further – to the paganism.